Вскоре Линь Цюши всё-таки дал окончательный ответ на предложение Жуань Наньчжу — согласился войти в девятую дверь Чэн Исе.

Нисколько не удивившись его ответу, Жуань Наньчжу лишь спросил:

— Ты хорошо подумал?

— Да, — кивнул Линь Цюши.

— Сложность девятой двери достаточно высока. И я не могу гарантировать, что ты выйдешь из неё живым, — Жуань Наньчжу выразился без обиняков. — И возможно, она окажется твоей последней дверью.

— Не страшно.

Несколько секунд Жуань Наньчжу внимательно изучал выражение лица Линь Цюши, потом кивнул в знак понимания.

Линь Цюши всё казалось, что Жуань Наньчжу будто собирался ему что-то сказать, хотя Жуань Наньчжу в итоге ничего так и не говорил.

После принятого решения Жуань Наньчжу передал Линь Цюши подсказку для девятой двери. Тот, глянув на бумажку мельком, удивился:

— И это подсказка?

— Да.

Записка гласила: Бронза станет зеркалом, и сможешь поправить одеяние. История станет зеркалом, и узнаешь, что придёт ей на смену. Человек станет зеркалом, и прояснится, где найдёшь, где потеряешь.

— Что это значит? — Линь Цюши вспомнил, что фраза эта — известное изречение танского императора Ли Шиминя*, которое даже включили в учебники. Но за дверью такая подсказка практически не давала никаких зацепок.

*Ли Шиминь, личное имя императора Тайцзуна, правил в 626-649 гг.

— Не знаю, — ответил Жуань Наньчжу. — Подсказки для поздних дверей всегда более запутанные по сравнению с предыдущими, поэтому их значение мы поймём только за дверью.

Линь Цюши ещё немного посмотрел на записку в своих руках и отозвался:

— Хорошо.

Точное время похода за дверь — пятнадцатое число следующего месяца — Линь Цюши узнал от Чэн Исе лично. Тот спокойно отнёсся к решению Линь Цюши отправиться с ними, словно уже давно предполагал, что Жуань Наньчжу его возьмёт.

Чэн Исе был самым неразговорчивым обитателем коттеджа — целыми днями он молчал, кроме тех моментов, когда поучал своего младшего брата.

Чэн Цяньли и Чэн Исе были близнецами, но по характеру отличались как небо и земля. Чэн Цяньли весь день мог рта не закрывать — точно как ребёнок, а вот Чэн Исе, в отличие от него,

вёл себя совсем как взрослый.

Пока до двери ещё оставалось время, Линь Цюши отдыхал в коттедже.

За это время в гости приходили Тань Цзаоцзао и Чжан Ицин, а с ними — мужчина, который взялся провести Чжан Ицина через двери.

Его звали Бай Мин*, и всем своим видом и энергетикой он напоминал настоящее солнце.

*Мин — стихотворная ода.

Волосы немного вились от природы, а на щеках при улыбке появлялись милые ямочки.

Честно говоря, Линь Цюши с трудом удавалось связать реальный образ Бай Мина с образом старого игрока задверных миров. И ему было крайне любопытно, как тот выглядит за дверью.

Впрочем, подобный вопрос походил на вторжение в личное пространство, поэтому Линь Цюши не стал его задавать.

Чжан Ицин выглядел теперь намного лучше, чем в прошлую их встречу. По крайней мере, перестал походить на человека на грани нервного срыва.

Бай Мин, впрочем, весьма заинтересовался Линь Цюши. Конечно, в присутствии Жуань Наньчжу он не решился показывать этого в открытую, но Линь Цюши всё же заметил на себе его не то случайный, не то намеренный изучающий взгляд.

— В мае в прокат выйдет новый фильм Ицина зайбись, вы обязательно должны на него пойти. — Первое, что сделал Бай Мин, переступив порог коттеджа,— раздал всем билеты на фильм Чжан Ицина. — Я уже посмотрел режиссёрскую версию, это что-то невероятное!

Чжан Ицин выглядел не слишком довольным, сидя рядом и слушая, как Бай Мин всем и каждому его нахваливает, как какой-то товар. Линь Цюши догадывался, что ему вся эта ситуация кажется ужасно неловкой…

— Ицин просто потрясающий, я его обожаю. — Бай Мин в своих признаниях походил на сумасшедшего фаната, который преследовал любимую знаменитость. Обычно он вёл себя нормально, но когда начинал при Чжан Ицине расхваливать его же самого, выносить такое было трудно всем. Линь Цюши своими глазами увидел, как покраснели уши Чжан Ицина, хотя тот сохранил прежнюю серьёзность. Вскоре мужчина, притворяясь спокойным, поднялся и сказал, что пойдёт на балкон покурить.

Линь Цюши в душе посмеивался над ним. Бай Мин стал настоящим исцеляющим снадобьем для высокомерного Чжан Ицина.

Тань Цзаоцзао же не церемонилась — расхохоталась прямо вслух.

— Цзаоцзао, тебе ведь тоже скоро идти за дверь? — Линь Цюши, подсчитав время, понял, что вот-вот должен подойти момент для следующей двери женщины.

— Да, — кивнула Тань Цзаоцзао. — В этот раз меня поведёт Чэнь Фэй… А ты? До какой двери добрался?

— Всё ещё на шестой. — Линь Цюши не стал говорить ей, что собрался вместе с Жуань Наньчжу за девятую дверь.

— О… — Тань Цзаоцзао растерянно охнула, словно о чём-то задумавшись.

— Что с тобой? — спросил её Линь Цюши.

— Ничего, — вздохнула она. — Просто думаю, что буду делать с последующими дверями.

Тань Цзаоцзао не могла, как Жуань Наньчжу и Линь Цюши, окончательно оставить свою профессию в реальном мире и посвятить остаток жизни походам за двери, да и не было в ней столько смелости. Это означало, что для неё высокоуровневые двери сулят настоящую опасность. Ведь даже Жуань Наньчжу почти не брал клиентов после шестой двери.

Бытовало мнение, что после шестой двери сложность кратно увеличивается, происходит качественный скачок. Что именно меняется, Тань Цзаоцзао не знала, но наверняка пройти через такие двери очень сложно.

Они немного поболтали и пообедали вместе, а из разговора Жуань Наньчжу и Бай Мина Линь Цюши узнал, что те знакомы уже четыре года, можно считать — старые друзья.

Бай Мин уже прошёл свою девятую дверь и теперь ожидал десятую.

После трапезы Бай Мин и Жуань Наньчжу отправились в кабинет. Видимо, им нужно было обсудить кое-какие дела наедине.

А Тань Цзаоцзао потащила Линь Цюши и Чжан Ицина поиграть во что-нибудь в гостиной.

О чём конкретно разговаривали Бай Мин и Жуань Наньчжу, Линь Цюши не знал, однако когда они спустились из кабинета, взгляды обоих обратились на Линь Цюши.

Тот растерянно застыл, потом спросил:

— В чём дело?

— Ни в чём, — улыбнулся Бай Мин. — Просто любопытно немного.

— Любопытно?

— Неужели ты считаешь, что в тебе нет ничего особенного?

Линь Цюши, подумав, тихо спросил:

— Мне особенно нравятся кошки?

Как раз говоря это, он пытался незаметно потрогать Каштана за розовые лапки, а кот недовольно косился на него.

Жуань Наньчжу:

— …

Наверное, это тоже можно считать особенностью.

Бай Мин рассмеялся, услышав такой ответ:

— Ты очень занятный.

Он больше ничего не сказал о Линь Цюши.

Посидев ещё немного, гости покинули коттедж.

Линь Цюши, поглядев на сидящего рядом Жуань Наньчжу, тихо спросил:

— Что во мне такого особенного?

— А сам ты что думаешь? — посмотрел на него Жуань Наньчжу.

Линь Цюши покачал головой, он не понимал.

— Неужели тебе не кажется, что ты в чём-то отличаешься?

— Нет.

Жуань Наньчжу поднялся.

— Ну, нет так нет. — С такими словами он развернулся и ушёл, не давая Линь Цюши возможности продолжить расспросы.

А Линь Цюши почему-то показалось, что Жуань Наньчжу не в очень хорошем настроении…

Чэн Цяньли тоже узнал, что они собираются за девятую дверь. Бедняга так беспокоился, что даже соорудил в своей комнате импровизированный алтарь, за которым старательно жёг благовония и молился.

Он и Линь Цюши заставил зажечь и поднести богам три палочки благовоний.

— Благословите их на возвращение в целости и сохранности. — Чэн Цяньли выглядел очень набожным в тот момент.

Линь Цюши никогда не верил ни в каких богов, но миры за дверью перевернули его мировосприятие, поэтому он не рискнул говорить какие-то непочтительные слова перед алтарём.

— Мне так страшно! — Чэн Цяньли, поставив благовония, сел на свою кровать и забормотал: — Ужасно страшно.

— Не бойся, всё будет хорошо. — Линь Цюши погладил его по голове. Чэн Цяньли был ещё совсем ребёнком, хоть и почти взрослым, шестнадцати лет. — С нами будет наш Жуань-гэ.

— Ага, — отозвался Чэн Цяньли. — Я хочу стать хоть немного храбрее, чтобы… чтобы я смог… — Тут юноше стало неловко, он замолчал.

— Чтобы ты смог что? — переспросил Линь Цюши.

— Чтобы это я мог защищать брата, а не он меня! — Чэн Цяньли гордо выпятил грудь.

Линь Цюши улыбнулся:

— Хм, тогда тебе нужно хорошенько постараться.

Иногда Чэн Цяньли выглядел очень мило в своей дурашливости.

— У него не очень хороший характер, и он меня презирает, но… кто ж виноват, что он мой брат? — Юноша улёгся на кровать и стал рассуждать вслух. — Да ещё похожий на меня как две капли воды…

Линь Цюши просто молча слушал.

Вообще-то сам он с трудом представлял, что это за братские чувства, о которых говорит Чэн Цяньли. С детства ему не выпало ощутить атмосферу семейной теплоты: ни братьев, ни сестёр у него не было. Линь Цюши дожил до двадцати шести, а ему даже никто никогда не нравился в романтическом смысле. При этих мыслях мужчину вдруг посетило сожаление. Ведь если он умрёт за дверью, получится, что он не познал ещё очень многого в жизни.

Время открытия двери Чэн Исе неумолимо приближалось.

И обстановка в коттедже вместе с тем стала более напряжённой.

Кроме Жуань Наньчжу, самым высоким уровнем двери в коттедже обладал только Чэн Исе. Линь Цюши примерно подсчитал, сколько тому было лет, когда он впервые попал за дверь, и выяснил, что это случилось примерно в двенадцатилетнем возрасте братьев. Он был так юн, а уже вышел из стольких дверей… Чэн Исе действительно мог похвастаться поразительными способностями.

Ну а его брат, Чэн Цяньли, прошёл только через шесть дверей. Между первой дверью обоих существовал разрыв, по крайней мере, в несколько лет.

В этот раз Жуань Наньчжу не стал заставлять Линь Цюши наряжаться девушкой. Радуясь этому факту, Линь Цюши вдруг поймал себя на лёгком сожалении в глубине души и тут же перепугался — он и не думал, что к переодеванию в женский наряд можно пристраститься.

Разумеется, Линь Цюши быстро отбросил эти мысли, он всё равно был счастлив, что не нужно притворяться немой. Ему всё ещё не удавалось овладеть искусством изменения голоса.

Время пролетело незаметно, и вскоре настал день похода за дверь.

За окном постепенно воцарился летний зной. Линь Цюши после ужина сидел на балконе и охлаждался, как вдруг увидел внизу в саду Чэн Исе. Тот с серьёзным выражением лица неторопливо курил сигарету.

Линь Цюши посмотрел на него с балкона, поколебался, но всё-таки позвал:

— Чэн Исе!

Юноша поднял голову.

Линь Цюши громко сказал:

— Несовершеннолетним нельзя курить…

Чэн Исе нахмурился. Его единственным внешним отличием от Чэн Цяньли было равнодушное выражение лица. И несмотря на юный возраст, исходящая от него энергетика заставляла других понять — с этим парнем лучше не шутить. Однако, послушав Линь Цюши, Чэн Исе всё-таки потушил сигарету.

Линь Цюши вынул из кармана горсть конфет и бросил с балкона:

— Лучше возьми конфет.

Несколько конфеток в ярких фаетиках, словно фейерверк, упали на ярко-зелёную траву, создав приятную глазу картину.

Чэн Исе наклонился, поднял одну, развернул и отправил в рот.

Линь Цюши заулыбался:

— Ну как? Вон те фиолетовые — со вкусом винограда… — Эти конфеты он купил по интернету, карамельки из натурального сока, довольно неплохие на вкус.

Чэн Исе глянул на него, но ничего не ответил. Только собрал все конфеты до одной, положил в карман и ушёл.

Линь Цюши порадовался, глядя ему вслед. Пускай Чэн Исе вошёл за дверь гораздо раньше него самого, всё же в глазах Линь Цюши тот был всего лишь ребёнком, которому ещё нет восемнадцати.

За день до открытия двери Жуань Наньчжу вновь переоделся в женское, все трое надели специальные браслеты и стали ждать.

Чэн Цяньли ужасно переживал за них — беспокойно нарезал по комнате круги.

В итоге Чэн Исе не выдержал и хмуро позвал:

— Чего ты мечешься? У меня уже в глазах рябит.

Чэн Цяньли невинно воскликнул:

— Мне что, уже и пометаться нельзя?

— Нельзя.

— Хмф! Ну уж нет! Вот и буду метаться! — Он так сказал, однако всё же послушно уселся на диван, схватил лежащего рядом Тоста и принялся яростно гладить пса.

Взлохмаченный Тост выпучил чёрные глазки и заскулил, обиженно глядя на хозяина.

— Перестань его мучить, — вновь заговорил Чэн Исе.

— Эй, ну это уже слишком. Ты запрещаешь мне всё на свете…

Чэн Исе не ответил, только молча уставился на Чэн Цяньли. Они несколько секунд смотрели друг на друга, и Чэн Цяньли всё же признал полное поражение — с явной неохотой отпустил Тоста, который тут же вильнул пушистой попой и был таков.

Чэн Исе посмотрел на часы.

От этого его жеста Чэн Цяньли забеспокоился ещё сильнее. Он пошевелил губами и почти неслышно выдавил:

— Обязательно возвращайся.

Чэн Исе на секунду поднял на него глаза.

— Эй, я с тобой разговариваю, — сказал Чэн Цяньли. — Ты меня слышал? Чэн Исе, ты обязательно должен вернуться! — Похоже, он всё-таки набрался смелости, чтобы сказать это во весь голос: — Обязательно возвращайся!

Чэн Исе тихо хмыкнул.

Такой ответ удовлетворил Чэн Цяньли, он тихо пробормотал ещё пару наставлений брату.

Линь Цюши как раз сидел рядом, пока братья таким образом общались, и своими глазами увидел, как, покуда Чэн Цяньли что-то бормотал себе под нос, уголок рта Чэн Исе на мгновение дёрнулся вверх. Но движение вышло таким неприметным, что, могло показаться, его и не было вовсе.

Время похода за дверь наступило вечером следующего дня.

После ужина Линь Цюши вернулся в свою комнату.

Он сел за компьютер и только нажал кнопку запуска, как вдруг его тело охватило странное чувство. Уже очень знакомое. Оно означало, что дверь открылась.

Линь Цюши поднялся, вышел из собственной спальни и весьма ожидаемо увидел коридор с двенадцатью железными дверьми. Восемь из них были отмечены печатями, три оказались заперты.

Единственной открытой была девятая дверь Чэн Исе.

Линь Цюши подошёл к ней, потянул за железную ручку… Кругом всё смешалось в круговороте красок, а в следующий миг Линь Цюши очутился на широкой дороге.

Оглядев окружающий пейзаж, мужчина слегка удивился. Поскольку оказался вовсе не в пустынной местности, а на процветающей городской улице, по обеим сторонам которой пестрели вывески. И хотя время было позднее и большинство заведений закрылись, всё же воображение с лёгкостью рисовало картину оживлённого городского проспекта днём.

Дорога под ногами была поразительно ровной, Линь Цюши направился по ней вперёд и увидел высоченное здание с множеством окон, похожее на отель. Стены, похоже, покрывала какая-то особая краска, отчего здание казалось высоткой, сплошь покрытой зеркалами. Днём стены поглощали весь свет вокруг, а ночью притягивали всё внимание.

Линь Цюши при виде здания припомнил одно слово: фототаксис.

Фототаксис — это особое свойство живых организмов, которое проявляется у животных и растений. Самое яркое проявление — ночью мотыльки летят на свет, даже если это огонь, в котором они сгорают.

Люди ведь тоже живые организмы, подумал Линь Цюши. И в непроглядной тьме ночи они всегда идут туда, где видят свет, не задумываясь, что этот свет собой представляет.

Двери отеля были открыты настежь. Линь Цюши не торопясь вошёл внутрь и увидел в фойе восемь человек. Они уже разбились на команды, а при виде вошедшего Линь Цюши окинули его оценивающими и изучающими взглядами.

На этот раз Линь Цюши не увидел ни одного новичка.

Судя по сложности девятой двери, окажись здесь кто-нибудь новенький, Линь Цюши заподозрил бы, что этот человек должен был умереть в следующую секунду, да только его затянуло в мир за дверью.

Осмотревшись, Линь Цюши не обнаружил тех, кого искал. Поэтому уселся на диван и принялся разглядывать окружающую обстановку.

Сейчас вместе с ним за дверью собралось девять человек. Пятеро мужчин и четыре женщины. Остальные примерно поделились на три группы и, должно быть, каждый из них являлся старым игроком. Эти люди уже не делали вид, что не знакомы со своим напарником, они шёпотом переговаривались, обсуждая свои догадки насчёт этого мира.

Линь Цюши посидел ещё немного, когда снаружи вошли двое — высокая женщина в длинном платье и юноша с хладнокровным выражением лица.

Они выглядели совершенно иначе, нежели в реальности, но Линь Цюши по одежде и взгляду узнал обоих — это были Жуань Наньчжу и Чэн Исе.

Они тоже увидели сидящего на диване Линь Цюши и приблизились к нему.

— Все в сборе? — спросил их Линь Цюши.

— Думаю, пока нет, — Жуань Наньчжу уселся рядом. — Кое-кто ещё осматривается снаружи. Думаю, ждёт своего напарника.

Линь Цюши не мог не восхититься наблюдательностью Жуань Наньчжу. Тот, казалось, попав за дверь всего несколько минут назад, собрал всю возможную информацию об остальных членах команды.

И не ошибся — ещё через несколько минут в фойе зашли двое, мужчина и женщина. Они сразу же направились в сторону другой группы людей.

Линь Цюши, проследив за ними, немного удивился:

— Их… в команде пятеро?

— Думаю, да, — ответил Жуань Наньчжу.

— За дверью численность может быть преимуществом? — поразмыслив, Линь Цюши пришёл к выводу, что здесь явно что-то не чисто.

— В какой-то степени, может. — Жуань Наньчжу откинулся на диване. — Если взять с собой побольше народу, можно испытать побольше условий смерти методом исключения.

Линь Цюши:

— …

— Некоторые, чтобы выжить, пойдут на что угодно. — Жуань Наньчжу бросил взгляд на группу из пяти человек и холодно усмехнулся.

Некоторые старые игроки, чтобы испытывать условия смерти, специально брали с собой

новичков, которые пока ничего не смыслили в задверных мирах и легко попадали в беду. Разумеется, для того, кто взял их с собой, ничего страшного в этом не было — наоборот, старые игроки извлекали из этого пользу. Ведь если кто-то уже занял место жертвы, а по правилам за дверью количество ежедневных смертей ограничено, то другие могут чувствовать себя в безопасности хотя бы какое-то время.

Для Линь Цюши эта информация стала открытием.

— И новички соглашаются идти с ними?

— А почему нет? — лениво протянул Жуань Наньчжу. — Кто-то всегда хочет отхватить кусок покрупнее.

Кому бы не хотелось проскочить сразу за девятую дверь, минуя все предыдущие? Риск и выгода часто соизмеримы, и если хочешь что-то получить, всегда нужно что-то ради этого отдать.

Такова жизнь.

Наконец все были в сборе, семнадцать игроков, которые поделились ещё на несколько групп. Самой многочисленной оказалась именно та группа из пяти человек, и Линь Цюши сразу же определил их лидера — женщину с неприветливым выражением лица.

Все собрались в фойе на первом этаже, разговоры становились всё громче.

И вот к ним со стороны лифтов вышел мужчина в костюме, которые обычно носит обслуживающий персонал гостиниц. В руке он держал стопку карт-ключей.

— Прошу прощения, что заставили вас ждать, — улыбаясь собравшимся, сказал слуга. — Вот ключи от ваших комнат.

Он раздал карты членам команды.

Кто-то спросил:

— По сколько человек в комнате? Номера одноместные или стандартные?

— Стандартные, — всё с той же улыбкой ответил слуга. — Красные карты — номера с большой кроватью, белые — с двумя кроватями, зелёные — для проживания втроём. Только кому-то придётся спать на диване. — Его голос звучал приветливо. — Добро пожаловать в наш отель, надеюсь, вы прекрасно проведёте здесь время.

Выходит, они играли роль гостей отеля. Линь Цюши подметил эту деталь.

— А когда мы должны отсюда съехать? — Вдруг заговорила предводительница группы из пяти человек. — И что у вас тут можно посмотреть в округе?

Слуга улыбнулся:

— Завтра мы раздадим вам буклеты с путеводителем, в нём описаны все местные достопримечательности. — Оставив им ключи, он добавил: — А сегодня желаю вам хорошенько выспаться.

Линь Цюши поднялся и взял зелёную карту. Слуга сказал, что в такой комнате могут жить сразу трое, что как раз им очень подошло.

Разобрав ключи, все разошлись по своим делам.

Они тоже отправились в свою комнату на тридцать четвёртом этаже. На полу был расстелен толстый ковёр, а в коридоре распространялся запах душистых благовоний.

Коридор освещался очень тускло, но в комнате загорелся яркий свет, когда они вставили карту в специальный слот.

Линь Цюши подошёл к окну и выглянул наружу, увидев погружённый в темноту город. В ночи всё как будто вымерло — даже уличных фонарей не было видно. Но когда они шли сюда, фонари на улицах ещё горели…

— А комнатка занятная, — заметил Жуань Наньчжу.

Линь Цюши повернулся к нему:

— А?

— Тут повсюду зеркала.

Оглядевшись, Линь Цюши увидел, что в комнате действительно очень много зеркал. Казалось невероятным, но даже пол был зеркальным.

При взгляде на зеркала, Линь Цюши невольно вспомнил фразу о бронзовых зеркалах из подсказки для двери. Интуиция подсказывала ему, что ключ как-то связан с зеркалом, но сведений было слишком мало, чтобы сказать наверняка.

Чэн Исе, изучая зеркало под ногами, очень долго молчал, но когда Линь Цюши решил отойти от него, вдруг прошептал:

— Зеркало двойное.

Выражение лица Линь Цюши мгновенно застыло.

Чэн Исе очень медленно добавил:

— Люди этажом ниже могут увидеть всё, что происходит в нашей комнате.

Жуань Наньчжу вдруг опустил взгляд на своё платье.

— Но тогда получается, они видят, что у меня под юбкой?

Чэн Исе:

— …

Линь Цюши:

— …

Жуань Наньчжу:

— Если подумать, даже как-то неловко…

Линь Цюши:

— …

Если тебе неловко, чего ты тогда юбку задираешь?..

http://tl.rulate.ru/book/77216/2728457